

УДК 821.161.1.09

**МИФОПОЭТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СТЕПНОЙ» ТЕМЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А. П. ЧЕХОВА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ***

С. Ю. Николаева

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества

А. П. Чехов рассматривается как родоначальник «степной» темы в творчестве поэтов XX века (И. А. Бунина, А. А. Блока, С. А. Есенина, А. А. Ганина, Ю. П. Кузнецова).

Ключевые слова: *А. П. Чехов, «степная» тема, И. А. Бунин, А. А. Блок, С. А. Есенин, А. А. Ганин, Ю. П. Кузнецов.*

В рамках монографического исследования фундаментальной проблемы – проблемы литературных связей творчества А. П. Чехова на материале повести «Степь», которая является литературным манифестом писателя, раскрывает взгляды писателя на искусство, мир и человека, на прошлое, настоящее и будущее России, было показано, что «Степь» занимает одно из ключевых мест в русском историко-литературном процессе, имеет обобщающее значение по отношению к развитию «степной» темы в предшествующей литературе, а также задает один из векторов дальнейшего развития русской литературы на рубеже XIX–XX веков и в XX веке. В ряде статей «Степь» рассматривается как источник творчества И. А. Бунина, П. Н. Васильева, В. Я. Шишкова, Л. Н. Гумилева, М. А. Шолохова и др.; к сопоставительному анализу привлекаются произведения таких предшественников и современников Чехова, как Н. В. Гоголь, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, А. С. Хомяков, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. С. Соловьев; анализируются выявленные нами древнерусские источники повести [6; 7; 8; 9]. Тем самым чеховская повесть вписывается «в культурное пространство всей русской литературы» вплоть до поэзии Ю. П. Кузнецова [12, с. 68].

Методика исследования в данном случае отчасти подсказана самим Чеховым, который не раз выражал надежду на то, что по путям, им проложенным, пойдут когда-нибудь его преемники, что его «Степь» станет источником творчества для будущих поколений писателей: «Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще нетронутыми и как еще не тесно русскому художнику» [14, с. 178]. Чехов намечал пути развития русской прозы и поэзии. Его эпистолярный автокомментарий, по сути дела, варьировал стихотворение в прозе, возникшее в тексте повести: «...как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!» [13, т. 7, с. 48].

* Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Тверской области (проект № 14-14-69005 «Проблема литературных связей А. П. Чехова: повесть “Степь” в историко-литературном процессе. Монографическое исследование»).

Первым на этот призыв откликнулся Бунин и, казалось бы, решил поставленную Чеховым задачу: эпически широко раскрыл «степную тему», создав «новые узоры по старой канве». Не случайно М. П. Громов завершает главу своей книги о «Степи» развернутой цитатой из «Жизни Арсеньева» [2, с. 202–203]: исследователя поразили многочисленные параллели между чеховским и бунинским текстами, он стремился подчеркнуть востребованность художественного опыта Чехова – автора «Степи» в литературе новейшего времени. Действительно, Бунин одним из первых понял, что Чехов в своей повести описывал не просто широкие дороги и бесконечные просторы, а раскрывал русскую ментальность, русскую душу, русскую сущность. Этот смысл повести стал доступен Бунину в первую очередь потому, что он, вынужденно оказавшись вне России, много размышлял на эти темы. Однако следует признать, что использование чеховского «степного» наследия в романе Бунина было осуществлено в традиционной стилистике классического русского романа, в котором пейзаж «оттенял» и «раскрывал» внутренний мир героя. Более органично чеховские «степные» мотивы звучат в бунинской лирике, особенно ранней.

Очевидно, найденные Чеховым художественные формы наполнились новым содержанием прежде всего в поэзии. Именно поэты почувствовали, чтобы Россия оказалась на новом витке истории, и выразили это новое эпохальное содержание с помощью «степной» топики и символики.

Напрашивается гипотеза о том, что Чехов предсказал появление в русской литературе какой-то яркой творческой личности, которая не просто повторит на новый лад, подобно Бунину, описание степной поездки маленького мальчика, приспособив это описание к сюжету своего романа, но создаст целостную поэтическую систему – принципиально новую «степную энциклопедию» о новой России на основе чеховского сплава метафоричности, мифологизма, историзма.

Думается, что подобный художник на Руси действительно появился, и не один. Можно говорить о целой плеяде поэтов. Важнейшие мотивы и образы чеховской «Степи» оказались востребованы в литературе трагического для России XX столетия и реализованы в поэзии И. А. Бунина, А. А. Блока, С. А. Есенина, А. А. Ганина, Ю. П. Кузнецова.

«Система ключевых концептов» [9, с. 205–206] чеховской «Степи» полифункциональна и полиморфна, она генетически восходит к формулам древнерусских воинских повестей, типологически родственна образам и понятиям Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. С. Соловьева. Эффект этой художественной системы таков, что необъятные степные пространства становятся для чеховского читателя пространствами историческими, метафизическими, мифологическими, символическими, былинными – пространствами Руси-России.

Одним из самых ярких поэтов, продолживших путь Чехова в русской литературе, стал А. А. Ганин, представитель серебряного века, друг и единомышленник С. А. Есенина. Наиболее значительная его поэма имеет весьма характерное название – «Былинное поле» (1917–1923). По сути дела, этот заголовок является парафразом по отношению к названию чеховской повести «Степь». Ведь степь в художественной интерпретации Чехова – это и есть былинное поле, то есть то обширнейшее пространство, по которому когда-то ездили богатырские кони и былинные герои вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника. По былинному полю, по «древней шири» у Алексея Ганина разъезжает правнук Микулы Селяниновича – современный русский человек, оказавшийся на перепутье в эпоху мировой войны и революции. Возможно, цикл А. Блока «На поле Куликовом» (1908) следует считать

промежуточным звеном между «Степью» и «Былинным полем», тем более что Ганин многому учился у Блока. Однако слой «былинных» реминисценций все-таки более тесно связывает Ганина именно с Чеховым, тогда как Блок напрямую обращался не только к Чехову, но и к «Слову о полку Игореве», «Сказанию о Мамаевом побоище».

Творческая задача Ганина – раскрыть свое понимание философии русской истории. Поэт с горечью констатирует, что в результате революционной катастрофы оказался утрачен национальный мир, «лад крестьянской и национальной жизни» [10, с. 51], но при этом выражает надежду на его возрождение в будущем. Чеховская степь также олицетворяет собой «фантастическую», «чудесную» русскую историю, саму Русь, и герой Чехова показан на пороге личных, общенациональных и мировых потрясений. И Чехов, и Ганин показывают главного героя на фоне и во взаимной связи с простым русским народом, отказываясь от его идеализации. С одной стороны, это народ-богатырь, люди-великаны, а с другой – «черносошная конница, бородатая, неумытая, непричесанная», сонные запечные люди (Ганин), «люди с прекрасным прошлым и с очень нехорошим настоящим», которые «любят вспоминать, но не любят жить» (Чехов). И чеховский Егорушка, чьим небесным покровителем является Георгий Победоносец, и ганинский потомок Микулы Селяниновича воплощают надежду Чехова и Ганина на современного и будущего русского человека, который сможет реализовать свой огромный духовный потенциал, сможет возродить Россию.

Следует отметить, что не только в «Былинном поле», но и в других произведениях Ганина развернуты некоторые основные мотивы и образы чеховской «Степи». В частности, человек в необъятном степном пространстве чувствует себя смертельно одиноким. Это чувство испытывает лирический герой Ганина: «В поле безлюдно. Я в поле один» [1, с. 53]. Это же чувство характерно для и для повествователя в повести «Степь», и для чеховского Егорушки: «Когда долго, не отрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и все то, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены. Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной» [13, т. 7, с. 66]. Смертную тоску испытывает лирический герой Ганина: «И снова, от холода кроясь, / Я лягу у диких холмов. / Шумя протечет по порогам, / Последним потоком слеза, / Корнями вращут мои ноги, / Покроются мхами глаза. / Не вспенится звездное эхо / Над мертвою зыбью пустынь, / И вечно без песен и смеха / Я буду один и один» [1, с. 53].

Вместе с тем христианское миропонимание и у Чехова, и у Ганина обуславливают возможность душевного утешения, умиротворения для героев, каждый из которых имеет своего ангела-хранителя. Так, после долгого суетного дня Егорушка любит закатом: «Он видел, как зажглась вечерняя заря, как потом она угасала; ангелы-хранители, застилая горизонт своими золотыми крыльями, располагались на ночлег; день прошел благополучно, наступила тихая, благополучная ночь, и они могли спокойно сидеть у себя дома на небе» [13, т. 7, с. 65]. В мире Ганина вечернее небо для уставшего душой человека тоже отнюдь не пусто, а населено ангелами:

Гору скорби день взвалил на плечи. <...>
Но свалился шумный день, и зноем
Суета и скорбь с души ниспали. <...>
И узрел мой взор преображенный
По заре ходящих Серафимов. <...>
Я учуял голос Саваофий,
Повелевший силам яснокрылым
За любовь пронятую утешить.
Чтоб в земном во чреве-океане
Всяка тварь отныне веселилась,
И вовек, как злак, произрастали
В человеках мир, благоволение.
И, взмахнув узорными крылами,
Поднялись с надзорья Серафимы... [1, с. 61]

Егорушка в «Степи» обращается за милостью к высшим силам: «Свят, свят, свят, господь Саваоф» [13, т. 7, с. 85]. В ганинских стихах утренние и вечерние зори тесно связаны с ангелами, серафимами, херувимами [1, с. 159], ангел может явиться «в златожарых латах», «восплескаться крыльями зорь» [Там же, с. 169] и поселить в душе человеческой «голубиный покой» [Там же, с. 45], поэтому лирический герой надеется на своего небесного заступника: «Лежу у храма на плите, / Жду с неба светлого хранителя» («Сарай») [Там же, с. 131].

Одним из кульминационных событий в «Степи» является гроза, которая подвергается у Чехова мифологизации. Сама степь вдруг превращается не то в чудовищных размеров тучу, не то в огнедыщащего дракона: «Даль заметно почернела и уж чаще, чем каждую минуту, мигала бледным светом, как веками. <...> Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на ее краю висели большие, черные лохмотья; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правом и на левом горизонте. Этот оборванный, разлохмаченный вид тучи придавал ей какое-то пьяное, озорническое выражение. <...> Чернота на небе раскрыла рот и дыхла белым огнем; тотчас же опять загредел гром... <...> Черные лохмотья слева уже поднимались кверху и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне» [13, т. 7, с. 84–85].

Гроза символизирует жизненные потрясения, которые суждено пережить герою. В поэме Ганина «Облачные кони» реализуется та же образность, что и у Чехова, но в еще более гиперболизированной форме: «Почуял смерть дракон двуглавый, / Из бездн исторг последний крик / И поднял факелом кровавым / Над миром огненный язык. / Из моря бездны многоликий / Змеящийся раскинул хвост / И заскрипел от злобы дикой / Железной чешуей хребет» [1, с. 92–93].

Наконец, важнейший для Чехова и Ганина топос – это степная дорога, вдоль которой стоят могильные кресты. Чеховский Егорушка боится этих угрюмых крестов, которые напоминают о человеческих муках и страданиях, о загробных скитаниях душ: «И нет того прохожего, который не помянул бы одинокой души и не оглядывался бы на могилу до тех пор, пока она не останется далеко позади и не покроется мглою...» [13, т. 7, с. 67]. Лирический герой Ганина также предчувствует скорбь и неизбежные муки для себя в скором будущем: «Дорога синевой умылась, / Утерлась травяной полонь, / На холмы мук перекрестилась, / Целуясь с далью голубой. / И в полы жемчуг собирая, / Молясь на рощи и кусты, / Ушла искать иного рая, / Творить иных скорбей кресты» [1, с. 93–94].

Итак, степное путешествие Егорушки и дорога лирического героя Ганина становятся крестным путем Руси, путем исканий и испытаний русского народа.

Глубокую трактовку «степной» темы дал С.А. Есенин. В его стихах Русь ассоциируется с широкой равниной, степью, беспредельностью: «О Русь, о степь и ветры, / И ты, мой отчий дом!» («Октоих») [3, т. 1, с. 281], «О Родина, / Мое русское поле...» («Певущий зов») [Там же, с. 268], «Это сделала наша равнинность, посоланная белью песка...» [3, т. 3, с. 98]. В его поэтическом словаре есть выражение «Гуляй-поле», означающее русское бунтарство и бесшабашность как черту национального характера. Русь-степь у Есенина – это цельный, двуединый и многозначный образ, обладающий исторической перспективой, философской глубиной и социальной значимостью. Поэт, говоря о Руси-степи, размышляет о трагизме русской истории («Но и тебе из синей шири / Пугливо кажется темнота / И кандалы твоей Сибири, / И горб Уральского хребта» [3, т. 1, с. 203]), или в «Поэме о 36»: «Много в России / Троп. / Что ни тропа – / То гроб. / Что ни верста – / То крест. <...> Там за Уралом / Дом. / Степь и вода / Кругом» [3, т. 3, с. 165, 167]. Тема будущего Руси раскрывается и в словах надежды, связанной с наступлением новой эры («О Русь, взмахни крылами, / Поставь иную крепь! / С иными именами / Встает иная степь» [3, т. 1, с. 290]), и – в «Сорокоусте» – в предчувствии катастрофичности грядущих цивилизационных сдвигов («Видели ли вы, / Как бежит по степям, / В туманах озерных кроась, / Железной ноздрей храпя, / На лапах чугунных поездов?» [3, т. 2, с. 95]).

Есенин опирается и на фольклорную, и на общелитературную традицию, когда в поэме «Ус» и ряде других произведений вспоминает прославленные Гоголем «белы снега» («Не белы снега по-над Доном / Заметали степь синим звоном» [3, т. 1, с. 114]) и колокольчик («Эх вы, сани! А кони, кони! / Видно, черт их на землю принес. / В захватском степном разгоне / Колокольчик хохочет до слез» [3, т. 2, с. 99]).

Но вместе с тем Есенин воссоздает типично чеховскую «степную» топику. Это и «степь под пологом зеленым» – «сторона ковыльной пуши», и «солончаковая тоска» [3, т. 1, с. 202], равнины, кусты, поминальные кресты [Там же, с. 220], «время – мельница с крылом» [3, т. 2, с. 22], песня-плач степной травы («Когда звенят родные степи / Молитвословным ковылем» [Там же, с. 221]). Долгий путь в степи заставляет чеховских героев задуматься о смысле жизни и о боге. Лирический герой-путник у Есенина тоже «ощущает явное присутствие в мире Христа» [11, с. 53]: «Долга, крута дорога, / Несчетны склоны гор; / Но даже с тайной бога / Веду я тайно спор» [3, т. 3, с. 291], «И степь, и горы за Днепром... / И в небе темно-голубом / Сам бог витает над селом» [3, т. 1, с. 95]. Самоопределение современного русского человека в «степи» жизни – вот вопрос, который ставит в своей поэзии Есенин. Разочарование в итогах революции, растерянность перед лицом перемен – вот настроение лирического героя Есенина, который наблюдает неприглядные картины: «Снова пьют здесь, дерутся и плачут... <...> Вспоминают московскую Русь» [3, т. 2, с. 123] – и вынужден признать, что прежние ценности, национальные традиции во многом утрачены: «Гармонист спиртом сифилис лечит, / Что в киргизских степях получил» [Там же, с. 124].

Ю. П. Кузнецов – прямой наследник Чехова, Есенина, Ганина. Путь, дорога, крест, перепутье, «степь да степь», простор, перекасти-поле, гроза в степи, грозовые тучи, облака пыли, птица-душа, кони, великаны и богатыри, колесо судьбы, плакун-трава и трын-трава – все эти образы из «степной энциклопедии» столь же концептуальны для Кузнецова, как и для его предшественников. Может быть, даже более концептуальны, так как событийная канва в стихах Кузнецова еще больше ослабле-

на, а метафоричность и символика усилены. Перечисленные концепты формируют структуру художественного мира Кузнецова, являются основой его эпичности.

Например, традиционная дорога с крестами пролегает у Кузнецова не просто через степь – она проходит через мифологическое пространство потустороннего мира, подтверждая следующие слова Ганина из поэмы «Звездный корабль» (1916–1917): «Под небом широким гуляя, / Запомни: ты – временный гость. / А путь твой – черта роковая / От зыбки на тихий погост» [1, с. 162]. Кузнецов в стихотворении «Крестный путь» (1998) обобщает – судьбу отдельного человека воспринимает как судьбу человечества: «Я иду на ту сторону / Вдоль заветных крестов. / Иногда даже ворону / Я поверить готов. // Даже старому ворону – / Он кричит неспроста: / – Не гляди по ту сторону / Мирового креста» [4, с. 377]. Судьба его лирического героя соотносится с судьбой Иисуса Христа: «Я распят на кресте» [Там же, с. 377].

Образ лирического героя Кузнецова имеет много общих черт с образами героя и повествователя в чеховской «Степи». Герой Кузнецова так же, как чеховский, сравнивает степь с морем [Там же, с. 84], он ощущает такую же растерянность при виде степных просторов: «Я очутился в поле незнакомом» [Там же, с. 35]; ср. у Чехова: «Он ужасался и в отчаянии спрашивал себя, как это и зачем попал он в неизвестную землю... <...> От мысли, что он забыт и брошен на произвол судьбы, ему становилось холодно и так жутко, что он несколько раз порывался прыгнуть с тюка и опрометью, без оглядки побежать назад по дороге» [13, т. 7, с. 83]. Герой Кузнецова чувствует себя таким же безнадежно одиноким: «Но русскому сердцу везде одиноко... / И поле широко, и небо высоко» [4, с. 76]; «Все равно на свете не остаться. / Я пришел и уйду – один» [Там же, с. 139]. Покидая родимый дом, он так же печалится: «Выходя на дорогу, душа оглянулась» [Там же, с. 129]. Во время пути он получает те же впечатления, что и Егорушка в «Степи». Это могут быть впечатлительные страшные, мрачные: «То сова, то душа зарыдает» [Там же, с. 91]. Вспомним, что крики птиц в «Степи» выражают почти человеческие страдания (ср.: «тревожный крик неуснувшей птиць», «заливается истерическим плачем – это сова» [13, т. 7, с. 45]). Кузнецов фактически версифицирует чеховские «стихотворения в прозе»: «Когда кричит ночная птица, / Забытым ужасом полна, – / Душа откликнуться боится: / Она желает быть одна. / Но дико слышать ей от века / Рыданье ветра, хриплый вой / И принимать за человека / Дорожный куст, объятый мглой» [4, с. 125].

Встречи на пути героя могут быть и светлые, радостные. Например, стихотворение «Поцелуй во сне» (1995) прямо соотносится с микросюжетом из повести Чехова, в котором прекрасная графиня Драницкая целует спящего Егорушку: «Он спал. Ты тихо в дом вошла, / Глядела на него. / Поцеловала и ушла, / И больше ничего. // Его под пули занесло / На дальней стороне. / Все прозвенело и прошло, / Как поцелуй во сне» [Там же, с. 325]. Мимолетность, кратковременность сроков земной жизни человека в сравнении с вечностью степного бытия волнует и Егорушку («Лично для себя он не допускал возможности умереть и чувствовал, что никогда не умрет» [13, т. 7, с. 68]), – и лирического героя Кузнецова: «Степь да степь. Сияющая синь. / И сухая бабочка порхает. / Дымчатую чуткую полынь / Тронешь – и она благоухает. / Тишина стоит из века в век – / Синяя, громовая, густая. / Тут прошел недавно человек / И как будто в воздухе растаял» [4, с. 367]; «Человек – это прах и попытка, / Человек – это облако пыли» [Там же, с. 462].

Особое внимание Чехов и Кузнецов обращают на проблему русского богатства. Двойственность русского человека-богатыря явственно осознавали оба. Чехов показал это на примере озорника Дымова, на примере степных «великанов»,

которые вовсе не чувствуют в себе величия и богатырства: «– Вы тутошние? – Не, из Глинова» [13, т. 7, с. 88]. Кузнецов с таким же восхищением, как и Чехов, говорит о русском богатырстве, любителю «потягиванием богатыря», но, вспоминая Илью Муромца, сидевшего на печи до тридцати трех лет, вынужден неоднократно с горечью признавать: «Качнет потомок буйной головою, / Подымет очи – дерево растет! / Чтоб не мешало, выдернет с горою, / За море кинет – и опять уснет» [4, с. 61].

Любопытным подтверждением выдвинутого выше тезиса об общности концепции богатырства у Чехова и Кузнецова может служить старая русская критика. Н. К. Михайловский в письме Чехову 15 февраля 1888 г. под впечатлением «Степи» рассуждал: «Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковою легкостью, и даже разницы между этими действиями не чувствует. Много Вам от Бога дано, Антон Павлович, много и спросится» [14, с. 634]. И несколько позднее в статье «Об отцах и детях и о г. Чехове» (1890): «Чехову все едино – что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца... Вон быков везут, вон почта едет, колокольчики с бубенчиками пересмеиваются, вон человека задушили, вон шампанское пьют» [13, т. 7, с. 619].

Михайловский перенес свои впечатления о чеховских героях на самого Чехова, но в целом верно уловил суть русского национального характера в чеховской интерпретации. Русское богатырство часто оказывается нереализованной, хотя и мощной, потенцией, остается лежать под спудом: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко?» [13, т. 13, с. 143]. Аналогом у Кузнецова может служить «Лежачий камень» [4, с. 362].

Русский богатырь способен на многое, но использует свои богатырские силы не всегда, и поэтому колесо его судьбы, по наблюдениям Кузнецова, катится «по плакун-траве и по трын-траве» [Там же, с. 83] («Колесо»). Он способен как к глубокомыслию, так и к легкомыслию. Любопытно, что Чехов в «Степи» изображает и то, и другое.

Прежде всего в чеховской повести мы слышим песню – плач травы: «Ему стало казаться, что это пела трава; в своей песне она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно и искренно убеждала кого-то, что она ни в чем не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она уверяла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха; вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощения и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя» [13, т. 7, с. 24]. Этот образ возник в сознании Чехова задолго до написания «Степи», благодаря интересу к древнерусской литературе, и относился к числу «дорогих сердцу образов и картин». Во время работы над «Врачебным делом» Чехов обратил внимание на народную поэзию; например, интересуясь лечебными свойствами трав, он записывал подчас и вовсе не медицинские их свойства, видимо, плененный поэтичностью названий: «Сон-трава... обладает пророческой силой»; «Разрыв-трава... это растение столь редко, что люди только посвященные в таинство чернокнижия могут находить его»; «Плакун-трава... обладает удивительными... силами» [13, т. 16, с. 326, 303]. О плакун-траве Чехов знал и из духовных стихов, из «Голубиной книги». Образ плачущей травы помог ему ввести в повествование трагическую тональность. С другой стороны, по мнению Чехова, колесо

русской судьбы зачастую катится и через непроходимую безалаберность: «Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!» – запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и, казалось, по степи на тяжелых колесах покатила сама глупость» [13, т. 7, с. 78].

Таким образом, в мире Чехова и Кузнецова трагическое соседствует с комическим, любовь к России и русскому человеку сочетается с трезво-критической позицией.

Наконец, сопоставление Чехова и Кузнецова необходимо провести на основе того философского понятия, которое возникает в начале «Степи». «Существо», то есть субстанция, сущность, сущее – вот что, а отнюдь не частности и не случайные подробности волнуют обоих поэтов. «Чехову все едино – что человек, что его тень, что колокольчик, что самоубийца», – так написать мог только критик, намеренно не заметивший в чеховском тексте слов о «существо». Чехова интересовала самая глубинная суть русской истории, русской современности, русского национального характера. Те же самые интересы были и у Кузнецова, который писал об утрате Бога, об утрате христианского, православного сознания у своих современников, о крушении русского мира (далее в цитатах курсив мой. – С. Н.): «Царград уйдет на дно морское, / А Москва погибнет от огня. / Это значит, надо торопиться, / Из людей повыбит *суций* дух» [5, с. 268]; «На распутье я не вижу Бога. / Славу или пыль метет вдали? / Что хочу от *сущего* пространства? / Что стою среди его теснин? / Все равно на свете не остаться. / Я пришел и ухожу – один» [4, с. 139].

Итак, Чехов нашел новые на фоне русского романа XIX в. формы для изображения человека, наделив его память историческими преданиями, введя в подтекст образов быль, былину, быличку, сказку, миф – древнейшие из всех исторических преданий и создав, по его словам, «степную энциклопедию». Последователи Чехова А. Блок, С. Есенин, А. Ганин, Ю. Кузнецов и другие мастера слова точно расшифровали его поэтическую концепцию как подтверждение единства прошлого, настоящего и будущего Руси, как мысль о глубинной связи личности современного русского человека с русским миром в его исторической целостности, с национально-историческим бытием во всей его полноте и создали свои художественные миры, опираясь на него и в то же время отталкиваясь, устремляясь в двадцатый век и создавая свою «философию национальной истории» [10, с. 53].

Список литературы

1. Ганин А. А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1991. 218 с.
2. Громов М. П. Книга о Чехове. М.: Современник, 1989. 384 с.
3. Есенин С. А. Собр. соч.: в 5 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 1: Стихотворения и поэмы (1910 – октябрь 1917). 400 с. Т. 2: Стихотворения (октябрь 1917–1924). 314 с. Т. 3: Стихотворения и поэмы (1924–1925). 280 с.
4. Кузнецов Ю. П. Стихи. М.: Сов. Россия, 1978. 224 с.
5. Кузнецов Ю. П. Стихотворения // Наш современник. 2008. № 7. С. 260–278.
6. Николаева С. Ю. Древнерусские памятники в литературном процессе (от Г. Р. Державина до Ю. П. Кузнецова): монография. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2010. 252 с.
7. Николаева С. Ю. Повесть А. П. Чехова «Степь» и книга М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом»: спор о России и «русском мальчике» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. Вып. 1. С. 81–87.

8. Николаева С. Ю. Философский контекст повести А. П. Чехова «Степь» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 100–107.
9. Николаева С. Ю. Чеховское начало в концептосфере «степных» произведений А. А. Ганина и П. Н. Васильева // Филологическая регионалистика. 2014. № 2 (12). С. 14–27.
10. Редькин В. А. «Былинное поле» А. Ганина как мифологическая поэма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. Вып. 28 (56). С. 45–53.
11. Редькин В. А. Онтологические проблемы в творчестве Сергея Есенина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. Вып. 14. С. 52–57.
12. Редькин В. А. «Русская идея» Юрия Кузнецова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2004. № 2 (4). Вып. 1. С. 48–68.
13. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 7: Рассказы. Повести. 1888–1891. М.: Наука, 1977. 735 с. Т. 13: Пьесы. 1895–1904. М.: Наука, 1978. 527 с.
14. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма: в 12 т. Т. 2: Письма. 1887 – сентябрь 1888. М.: Наука, 1975. 584 с.

**MYTHOPOETIC CONCEPT OF “STEPPE” THEME IN THE WORKS
BY A. P. CHEKHOV AND HIS FOLLOWERS**

S. Yu. Nikolaeva

Tver State University

the Department of philological basics of publishing and literary creation

Anton Chekhov is regarded as the founder of “the steppe” theme in the works of poets of the twentieth century (I. A. Bunin, A. A. Blok, S. A. Esenin, A. A. Ganin, Yu. P. Kuznetsov).

Keywords: *Russian literature and philosophy, A. Chekhov, novella “The Steppe”, I. A. Bunin, A. A. Blok, S. A. Esenin, A. A. Ganin, Yu. P. Kuznetsov.*

Об авторе:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.

About the author:

NIKOLAEVA Svetlana Jurevna – doctor of Philology, Professor of the Department of philological basics of publishing and literary creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: synikolaeva@rambler.ru.